

А. Д. ГРАДОВСКИЙ

Мечтания самобытника

«На Востоке меняются только лица, поколения; настоящей быт — только сотое повторение одной и той же темы с маленькими вариациями, приносимыми случайностью: урожаем, голодом, мором и т. п. У такой жизни нет *выжитого*, keine Erlebnisse¹. Быт азиатских народов может быть очень занимателен, но история — скучна».

Так говорил, лет тридцать пять назад, один из очень известных наших «западников», стремясь за границу, где, как известно, находится средоточие всемирной истории. Но один из настоящих западных людей, пресыщенный, должно быть, историей, столетия полтора назад, воскликнул: «счастливы народы, не имеющие истории!» Стало быть, без истории, с одним «бытом», хоть и скучновато, но счастливо и спокойно; а с «историей», хоть и веселее, но... но, право, не знаю, как определить — вообще хуже.

Кто же прав? Наш ли западник, рвавшийся из «быта» в «историю», или действительный западный человек, тосковавший в своей истории по «быту»?

Чувствую себя смущенным—не важностью вопроса, потому что, слава Богу, всякий считает себя способным решать всякие вопросы, но несвоевременностью его предложения. Кто же, в самый новый год, предлагает такие философские проблемы? Но, во-первых, решать вопрос буду я, а читатель будет только слушать — это и необременительно, и в духе времени. Во-вторых, читатель предугадывает, как я решу вопрос, а потому может вовсе не читать моего послания, по крайней мере сегодня.

Смею, однако, уверить, что читатель, жаждущий «истории» и не обретающий ее, найдет в моих аргументах некоторое утешение, а потому рассчитываю на его внимание.

В самом деле, у нас иного развелось людей, полагающих, что иметь богатую, полную содержанием историю — не только великое благо для народа, но и некоторая нравственная его обязанность, не выполнив которой, он не может быть зачислен в разряд «настоящих» народов. По старой привычке и в силу неисправимого предрассудка, народы в наших понятиях делятся на *исторические и неисторические*, т. е. на народы с историей и на народы с одним «бытом». К первым мы относимся с уважением, ко вторым — свысока: народ «неисторический» в наших понятиях то же самое, что недоросль из дворян или бурсак, изгнанный из семинарии «по великовозрастию и непобедимой лености».

Против этого предрассудка должен ополчиться всякий благо-разумный человек. Посмотрим на дело поближе и без предрассудков, которые мы выносим не столько из жизни, сколько из школы. Да, из школы, потому что в ней гремят нам о «законах исторического развития», об «исторической роли народов», о подвигах, героях, открытиях и прочем, способном кружить человеческие головы. Жизнь учить нас не тому. Как только закрыта книга, как только мы забыли содержащееся в ней ложные уроки и отвыкли от пагубной привычки «обобщать» и находить «законы развития», жизнь тотчас представится нам не в виде истории, а в виде весьма простого *быта*.

Миллионы людей толкуются на пашне, в лавке, на фабрике, в конторе, в канцелярии; каждый из них делает то, что делали его родители, и желает передать свое занятие своим детям. Умерли Петры, Ивановы, Карпы — место их занято Семенами, Васильями, Федорами, которые, в свою очередь, уступят место каким-нибудь другим соименникам щедрых на имена святцев. Огромное большинство этих людей желает одного — сохранения того, что есть, не в материальном только отношении, но и в нравственном. Они дорожат возможностью есть столько и так именно, как ели их отцы и они сами с малых лет, носить такое, а не другое платье, устраивать свои отношения к родным и ближним по заведенным с незапамятных времен правилам, думать о причинах дождя, грозы, снега, урожая, голода и всего прочего так, как думалось спокон века. Волен он и вовсе не думать. Если хотите, человек, ограничивающейся одним «бытом», имеет драгоценную возможность вовсе не думать: ему все *дано*, и он *передает* это данное другим, не прибавляя и не будучи обязан прибавлять к данному что-нибудь, добытое усилиями ума и творчества. Что может быть

счастливее такого состояния? Не думая, он обладает всем, все знает и на все может дать ответ. «Исторические» народы вечно находятся в погоне за какою-то истиной, ломают из-за этих истин головы себе и другим и, все-таки, никак не могут их уловить. Народы «бытовые» на все могут держать ответ и определенностью своих суждений могут посрамить заезжего путешественника, приехавшего с гордым намерением изучать их «быт» с высоты своей культуры.

Позвольте же спросить, что дает народу история? Как ни закутывайте это понятие названием «органического роста», «естественного развития» и т. д., но все же всякая история предполагает перемену, а всякая перемена сопряжена с громадными лишениями и вызывает многочисленное сожаления. Что-нибудь да значит тот факт, что для огромного большинства людей золотой век находится не впереди, а позади. Недаром события, заставляющие людей идти вперед, суть обыкновенно события бедственные, и человек, зовущий вперед своих современников, считается человеком беспокойным и даже вредным.

Хуже всего в исторических переменах то, что они проводят непреходимый предел между прошлым и настоящим, и гонят народы к будущему, т. е. к новым переменам. Почему? Понять это очень легко. Наш западник говорит, что у народов исторических много выжитого. Но выжитое значит выстраданное. Не угодно ли подумать, сколько выстрадали народы Запада во время их переселения и вплоть до той эпохи, пока им удалось соорудить теократическо-феодальное здание средних веков; сколько они страдали потом, когда их заставили рушить это здание на пользу новых монархий и крупных государств; сколько горя принесла реформация, и чего стоила западу французская революция!

Теперь вам понятно будет, почему исторические перемены, так сказать, бесповоротны. Народы выстрадали их, а от выстраданного не отказываются. Но каждая перемена фатально влечет к другой, логически в ней содержится. Народы, раз вкусившие перемен, уже стали на наклонную плоскость, по которой «вверх» им не войти. Сколько бы ни сожалели они о прошлом, оно навсегда останется пережитым, а потому недоступным. И вот бедный «исторический» народ пробегает мыслью времена назад, и ищет «золотого века» там, где еще не начинались его *Erlebnisse*, и останавливается там, где прекращается его историческая память. Это время окружено ореолом, закутано пеленой былин, светлых

преданий, веселых песен. А с другой стороны, он мрачно смотрит на будущее, которого он достигнет не иначе, как чрез новые «Erlebnisse», т. е. чрез новые страдания.

«История» интересна, слова нет. Величава фигура какого-нибудь Петра-Пустынника², поднявшего народы к освобождению св. гроба, велик Гус³ на костре, Лютер⁴, прибывающий свои «тезисы», Мирабо⁵ на трибуне; величественно проходят пред духовными очами «исторического» человека рыцарство, турниры, средневековые соборы, пуритане, армии французской республики. Но чего стоили все эти величавые фигуры и грандиозные зрелища?

Конечно, и *отсутствие* истории представляет свои трагические стороны. Величавое спокойствие «бытовых» народов достигается, может быть, ценою обезличения человека. Кто знает, сколько мыслей, чувств, порывов и стремлений затирается и обращается в ничто под тяжким грузом «быта» и его «условий»? Личность человеческая мельчает и делается неспособною на что-нибудь творческое. Если даже и при этих условиях, в ком-нибудь накопится сил свыше «бытовой» меры, если эти силы прорвутся наружу, то миру явится образ всеразрушающего завоевателя, в роде Тамерлана⁶, подобного степному вихрю. Прошла гроза — и опять все спокойно и безмолвно.

Но к чему обращать внимание на то, чего, в сущности, никто не видит? Все эти томления мысли и всяческая духовная жажда суть нечто незримое и невесомое, и если они причиняют страдания отдельным людям, то тем важнее пресекать дальнейшее их развитие, чтоб они не причиняли зла большому числу лиц. История, сказал тот же «западник», есть разложение масс идей. В известном отношении это очень верно. Куда зашла идея, там нельзя ждать добра, и она-то бросает народы во все тяжкая истории.

Ужасен был для народов тот день, когда злая судьба толкнула их в «историю», внушив им злокачественную мысль из Naturvölker⁷ сделаться Kulturvölker⁸. И пусть бы этот удел постиг одни народы Запада, которые самою природой, кажется, предназначены на грех, а потому на страдание. Так нет же; Запад брызнул и на Россию несколькими каплями своей «исторической» пенки. Во всех описаниях нашего древнейшего быта значит, во-первых, что мы славяне, во-вторых, что славяне вообще и русские особенно — народ мирный, патриархальный и земледельческий, следовательно, совсем Naturvölk, не склонный ни к каким

Erlebnisse. Так бы и жили. Но нет: явились варяги, с варягами дружина, с дружиною «личное начало», противоположное началу патриархально-общинному, и началась «история».

Оторванный от общины и ее патриархального уклада, движется русский человек на Византию и на хазар, поляне «примучивают древлян», земля дробится на уделы, князья соперничают, дружины воюют, прихватывая «воев» и «охвочих» людей из мирных поселян, и все кончается полнейшим расстройством, благодаря которому татары живьем захватили едва не всю Русь.

Тут бы, кажется, и успокоиться. Под татарским владычеством сама судьба посылала полную возможность отстать от «исторических» шалостей, сделаться совсем «бытовым» народом, «нравы» которого из любопытства изучали бы европейские путешественники. Опять нет! В заброшенном среди лесов, отрезанном от всех морей, сдавленном сильными соседями и грозным завоевателем народе не умерла-таки мысль, что он народ исторический, и мало того, что исторический, но *европейский*. Вместо того, чтоб поклониться пред Востоком, представителями которого были благодетельные татары, он почему-то счел своим призванием борьбу с этим Востоком и сделался форпостом Европы, принимая на свою грудь все удары монгольских орд. Как только он немного окреп и оперился, тотчас, по исторической памяти, потянул он на Запад, начал «ссылаться» с европейскими «потентатами» выписывать мастеров и всяких искусных людей и крепко скорбел, когда соседи не пропускали их к нему.

Во всей его позднейшей истории проходит какая-то инстинктивная тоска по утраченному некогда месту в *Европе*, и все делается для того, чтоб завоевать это место. Борьба не на жизнь, а на смерть с мохамеданским Востоком, борьба не на жизнь, а на смерть с западными соседями, захватившими старые, исторические места древней России и мешавшими ей вступить в Европу — вот, что в действительности, хоть и не сознательно, двигало нашими предками и заставляло выносить все, чего, казалось бы, не вынес никакой иной народ.

Без этой исторической и стародавней тоски по Европе вы не поймете, *почему* Петр Великий мог так круто и быстро совершить свою реформу. Он дал выход тому, что накоплялось веками, из-за чего в действительности бились русские люди задолго до него. Вот откуда то веяние какого-то восторга, которое охватило русских

людей, *несмотря* на всю крутость, резкость и беспощадность реформы, напоминавшей скорее революцию, чем преобразование...

Но что же я делаю? Кажется, я впадаю в лирический тон и готов увлечься не только «историческим движением», но... но даже реформу Петра! Этого только не доставало.

Нет, пусть успокоятся дружественные мне тени и любезные мне современники! Никогда не поставлю я золотого века впереди и никогда не пожелаю для моего народа каких-нибудь новых *Erlebnisse*. Мой золотой век назад. Но весь вопрос в том, где его поместить? Признаюсь — задача не из легких.

Перебирая все исторически периоды наши, я везде вижу движение, хоть и медленное, и если не движение, то сумятицу. Мне пришла была смелая мысль перескочить чрез все «периоды» и перейти за тот рубеж, который обозначен словами летописи: «изгнаша варяги за море и не даша им дани и печаша сами в себе володети». Отсюда был бы естественный переход к тому времени, когда предки наши «имяху обычаи свои и закон отец своих, и преданья, кождо свой нрав». Но летопись досадливо продолжает, что после изгнания варяг «не бе в них правды, и вста род на род, быша в них усобице, и воевати почаша сами на ся». Что же это такое: и тут «усобицы», положим, не «исторически», а натуральные, но все же кровопролитные!

Положим также, что, по теории г. Иловайского⁹, никакого «призвания», следовательно, и «изгнания» не было, и история наша началась не в Новгороде, а в Киеве, под предводительством воинственного Олега¹⁰. Эта теория очень любезна с высокопатриотической точки зрения, но совсем не удовлетворяет меня. Патриотизм, ведь, тоже «историческое» начало, чувство выстраданное, выжитое и закаленное в разных «периодах» истории. Притом, это и слово иностранное и трудно переводимое на русский язык, потому что патриотизм означает нечто большее, чем карамзинские «любовь к отечеству» и «народная гордость».

Я ищу не того, и бедственное мое положение состоит в нижеследующем. Я очень хорошо понимаю, что «история», раз начавшись, не может остановиться, если народ не заболит византийскою болезнью — застоём. Во-вторых, я понимаю, что русский народ, в течение всей своей истории, стремился завоевать себе положение народа европейского и что если даже монгольское иго не могло свернуть его с этой дороги, то тем паче трудно будет

сделать это теперь, когда мы несем некоторую «цивилизацию» в азиатские степи.

Понимая все это, я желал бы, однако, воздержать свою нацию от дальнейших «выживаний» и, так сказать, обратить свой народ в «исторически-бытовой». Мысль очень странная, но не страннее, например, следующей:

Одному мудрецу пришла в голову мысль воспретить дальнейшее печатание книг до тех пор, пока напечатанное не будет прочитано. Я предлагаю, приблизительно, то же. Не отнимая у страны того, что она приобрела, приостановить дальнейшие приобретения, заверив ее, что в перспективе, без всякого с ее стороны труда, предстоит великая будущность и что будущность ее будет тем величественнее, тем славнее, чем меньше она будет, в смысле «историческом», делать теперь. Тогда каждый обратится к «злобе дня», к своему домашнему очагу, к своему частному делу, забудет все так называемые «общие» вопросы, «исторические законы», Европу, даже самую Россию, поскольку она есть страна «историческая». Поколения будут мирно сменяться, пока которому-то из них не выпадет на долю «великая будущность» — великая и на мой взгляд, ибо в этом «будущем» измученная и растерзанная Европа воспримет наши «начала» и почиет в нашем величавом спокойствии. Тогда настанет конец истории и повсеместно водворится Азия с ее «бытовыми» народами.

Как вы об этом думаете? Срока на ответ даю целый год.

Письмо к Н. И. Костомарову

Вы легко поймете, многоуважаемый Николай Иванович¹, что ваше обращение к «полякам-миротворцам» (Новое Время, № 478)* не может остаться без ответа. Оно подписано вами — глубоким знатоком русской и польской истории. Следовательно, ваш голос неотразимо подействует на многих и многих. Позвольте противопоставить ему некоторые соображения в пользу другого взгляда.

Ваша статья посвящена развитию следующей мысли. Письма поляков, напечатанные в «С.-Петербургских Ведомостях», рас-

* В № 478 «Нового Времени» помещена статья Н. И. Костомарова, озаглавленная «Полякам-миротворцам».